

Средство идеологического воздействия или место мемориального упокоения?

Ленин в Мавзолее – это не захоронение, а идеологическая функция, аргумент в пользу прежнего пути и веры в правоту Октября 1917 года. Это – идеологический идол, который функционирует как средство психологического оболванивания и идолопоклонства.

И создан этот идол теми, у кого явно не хватало конструктивного ума, но в избытке были коварство и хитрость, чтобы управлять народом в условиях, когда предстояло осуществлять неосуществимое – строить социализм, для которого и почвы-то не было. Но так хотелось сохранить личную власть!

Народ попросту околпачивали... именем Ленина! Наше общество до глубины души потрясено и обеспокоено тем, что «шли не туда» и 73 года труда и страданий не дали народу тех результатов, которые были обещаны Лениным, сказавшим в 1920 г., что те, кому 15 лет, будут жить при коммунизме...

Обещание не только не выполнено, но страна в провале. А мавзольный идол, мумия сковывает сознание наций и народов, «бальзамирует», «намавзольевает» это сознание и, следовательно, создаёт препятствие на пути к свободе.

Возникает вопрос, заслуживает ли Ленин того почтения и уважения, на которое претендует отведённое ему мемориальное место на Красной площади в центре Москвы.

Критерии такого почтения со стороны народа выражены в «Памятнике» А.С. Пушкина:

«И долго буду тем любезен я народу,
Что чувства добрые я лирой пробуждал,
Что в мой жестокий век восславил я свободу
И милость к падшим призывал».

По всем этим трём статьям Ленин не заслужил, чтобы сохранился его статус «любезного народу».

Сегодня ясно, что взятием Зимнего дворца была начата авантюра, которая привела к гражданской войне с 15-ю миллионами жертв, а затем Ленин совершал, как у нас водится, «героические преодоления» перманентного кризиса, созданного им самим, которые как «преодоления» никому не были нужны.

Добрых чувств Ленин не пробуждал, а наоборот, развязывал классовую ненависть и классовую борьбу, провозгласив провокационное «Грабь награбленное».

Вместо свободы В.И. Ленин учредил «военный коммунизм», расстрелы без суда, произвол и концлагеря, запретил свободу слова, ввёл цензуру и т.п.

И уж, конечно, милость к падшим была не в его духе. Он проповедовал беспощадность и неслыханную жестокость. 20 000 пленных врангелевских офицеров были расстреляны в одном месте из пулемётов в Крыму, так же, как 15 000 польских офицеров были расстреляны в Катynie в 1940 году. Всё в духе В.И. Ленина. Но зло вершилось тайно, и мы узнаём об этом только спустя 50 лет.

Авторитет Ленина основан в значительной мере на мифах и на тайне о его неприглядных делах. И вообще – государственный деятель, который вершит свои дела на основе двойной морали: на явных и на тайных приказах – сам уже этим предопределяет ПЕРЕОЦЕНКУ своей личности и – перемену места захоронения как меру почёта.

В данном же случае мы имеем претензию Ленина на титул вождя самой грандиозной в истории человечества СОЦИАЛЬНОЙ революции.

А таковой революции как СОЦИАЛЬНОЙ вообще-то и не было, ибо *социальная* революция предполагает становление новой культуры труда и ей обязательно предшествует философская революция, меняющая тип сознания масс.

У нас же ничего этого не было.

Становление новой (суперкапиталистической) культуры труда должно основываться на принципиально новой технологии производства и развития социальной жизни. Это – столь грандиозно, что и вообразить-то с нашими представлениями – трудно. Состояние сознания «революционной массы» можно представить по таким фактам: в 20-е годы была народная песня, в которой есть такая строчка:

«И по винтику, по кирпичику растащили родимый завод».

Во времена Л.И. Брежнева возник новый термин «несуны». А газета «Правда» от 27 сент. 1991 г. в заметке Н. Кривомазова сообщила о том, как с дверей у входа в спецбуфет бывшего ЦК КПСС неведомым образом исчезла тяжёлая, наверное, литая ручка. Несуны. Расташиловка!

Так что о философской революции и об изменении типологии сознания масс говорить не приходится. После этого можно понять, была ли у нас грандиозная СОЦИАЛЬНАЯ революция, влекущая за собой высшую производительность труда.

Мавзолей (от имени древнегреческого царя Мавзола, правителя Карики в Галикарнасе, в Малой Азии, 4-й в. до н.э.) отнюдь не согласуется с духом мировоззрения антимонархиста В.И. Ленина и, в сущности, противоречит мировоззрению подлинных марксистов, не признававших не только культу мумии, но и культу личности.

Но, тем не менее, наследникам Ленина не как держателям духа марксизма, а как корыстным пользователям властью, такое культовое сооружение в центре Москвы и его культовые функции представлялись в высшей степени целесообразными и служили на потребу Сталину и КПСС, которые психологически опирали на это свою неправую власть.

Автор статьи в «Правде» от 24 сент. 1991 г. кандидат исторических наук А. Абрамов высказал свои аргументы в пользу сохранения на Красной площади Мавзолея Ленина и ссылаясь при этом на отношение англичан и французов к Кромвелю (1599-1658) и к деятелям французской революции конца XVIII века.

Но Россия не может решать этот вопрос слепо, по аналогии с его решением в «заграницах». У нас свои резоны, свои мотивы и свои аргументы. – Заметим попутно, что французы не поставили ни одного памятника своему палачу Робеспьеру, – о чём А. Абрамов умолчал.

Аргумент первый: насколько истинен ленинский социализм? Ленин понимал, во-первых, что «в России нет той высоты развития производительных сил, при которой возможен социализм». Он прямо говорит, что «это беспорное положение» (см. ПСС, т. 45, с. 380), т.е. нет почвы для социализма.

В той же ленинской статье «О нашей революции» мы находим высказывание, что никто не знает (и, следовательно, и сам Ленин не знал), **каков** тот «определённый уровень культуры» и цивилизации, который требуется для создания социализма (с. 381). Следовательно, если это важнейшее фундаментальное обстоятельство остаётся неизвестным, то ни у Ленина, ни у его партии не было ориентира и конкретного показателя, какого же состояния необходимо достичь обществу в области культуры и цивилизации, чтобы состоялся социализм. А без этого всё руководство страной выглядит, как авантюра.

Одно только заявление Ленина по поводу перспектив и возможностей социализма в России 1917 года («сначала надо ввязаться в серьёзный бой, а там уже видно будет») звучит авантюристично. В России не только не было предпосылок социализма, но даже и сегодня их нет!

Народ дал ленинской партии аванс доверия протяжённостью в 70 лет, и «близнецы-братья» не оправдали этого доверия. Социализма нет как нет. И платить за это некому.

Англичане чтут Кромвеля (на что ссылается кандидат исторических наук А. Абрамов), потому что английский вождь обеспечил Великобритании благосостояние и сытость.

В России же даже таких достижений было бы недостаточно, чтобы «любезным быть народу». Но ведь и таких достижений нет!

Так за что же почитать «близнецов-братьев» партию и Ленина?

Аргумент второй: насколько Ленин марксист?

Допустим, что не Ленин виноват, а Сталин и Брежнев. Но Ленин «матери-истории ценен» тем, что оставил теоретические труды, позволяющие нам **сегодня** решить наши **сегодняшние** проблемы... Ничуть не бывало: нет у Ленина таких теоретических трудов! У него всего две философские работы: «Материализм и эмпириокритицизм» и «О значении воинствующего материализма». Но обе эти работы посвящены не исследованию социума, а исследованию проблем естествознания в связи с кризисом в физике на рубеже веков. Из 6-ти глав «Материализма и эмпириокритицизма» три главы посвящены вопросам гносеологии применительно к естествознанию. К социализму это не имеет даже отдалённого отношения; то же самое и статья «О значении воинствующего материализма». И возникает вопрос, а насколько Ленин знал *комплекс* трудов Маркса и Энгельса. Если учесть, что при жизни Ленина у нас на русском они были изданы крайне скудно, если учесть, что наследие классиков **требует десятилетий**, чтобы им овладеть, если учесть, что только к 2025 году планировалось издать ПОЛНОЕ собрание сочинений Маркса и Энгельса объёмом в 400 томов, если учесть, что 50-томное издание было опубликовано в период с 1955 по 1981 г. (а эти 50 томов составляют по объёму лишь 12½% от ПОЛНОГО собрания), то компетентность Ленина в марксизме охватывает вряд ли 5% наследия классиков. Получается, что Ленин – это 5-процентный марксист. И на 95% **нищезанец**, ибо воля к власти была его характернейшей чертой.

Аргумент третий: насколько Ленин продвинулся в разработке социальной философии, в материалистическом понимании истории?

А – нинасколько. Он, видимо, полагал, что в этой области вполне можно довольствоваться тем, что сделано Марксом и Энгельсом. Его «Государство и революция» – сплошь состоит из цитат из классиков.

Для Ленина чрезвычайно характерна **воля к власти** и идеал **сверхчеловека**. Видимо, из этих истоков и произошло необыкновенное сходство гитлеровского нацизма, исходившего из Ф. Ницше, и идеологии большевизма, развернувшейся при Сталине так, что сталинский тоталитаризм неотличим от национал-социализма, что зафиксировано даже в нашей художественной литературе.

Палаческая жестокость Гитлера в последнее время всё больше сравнивается с палачеством Ленина как проводника диктатуры *во имя удержания власти*. Материалы, напечатанные в «Литературной России», № 32 за 1991 г., о том, что по решению Ленина не только была расстреляна вся семья бывшего царя и 28/VII-1918 г. в Совнарком была доставлена заспиртованная голова бывшего монарха – говорят об исключительных античеловеческих качествах Председателя Совета Народных Комиссаров Ленина.

По другим сведениям, головы всех казнённых в Екатеринбурге были доставлены в Москву, на Лубянку, в знак подтверждения того, что казнь состоялась и никто из детей не спасся. Если даже это не подтверждено фактически (а время ещё покажет), то сам факт происхождения такой версии применительно к характеристике большевиков содержит в себе художественную правду и художественную истину, которые сложились на основании знания психологии и идеологии их поведения во времена их борьбы за власть.

Аргумент четвёртый: покоится ли Ленин в Мавзолее? Коль столь бурно кипят страсти вокруг имени и памяти этого «борца за дело мирового пролетариата», то это не просто так!

Прежде всего, надо сказать, что Ленин не покоится, коль создан целый институт, который занят поддержанием мумии в таком состоянии, чтобы Ленин и сегодня казался «живее всех живых» и выглядел как «наше знание – сила и оружие». Сколько затрачено на это народных денег за 67 лет и сколько тратится сегодня, никому не ведомо. Но Ленин как героический миф продолжает существовать за счёт народа, которому он не дал ни достатка, ни счастья, ни социализма. Во-вторых, Ленина охраняет караул курсантов целого училища, которых заставляют ходить идиотским прусским шагом, превращая их в «профессиональных идиотов», чего совершенно не мог терпеть фельдмаршал и генералиссимус А.В. Суворов – прекрасный знаток души русского солдата. Нет. Вы посмотрите, как заставляют ходить этих молодых ребят, кого из них воспитывают и сколько это стоит народу в финансовом отношении, не говоря уже о психологическом калечении душ... Доколе ещё это будет продолжаться?!

Аргумент пятый: как выглядим мы в глазах мирового общественного мнения? Ведь мы же выглядим идиотами, так как количество читающих труды Ленина в сравнении с количеством почитающих его путём посещения Мавзолея соотносится как 1 к 100.000, если не один к миллиону! Даже в Древнем Египте, при том уровне культуры, что был 5000 лет назад, египтяне не

выставляли мумии своих царей на всеобщее обозрение! Что же за чрезвычайщина заставляет это делать у нас?!

Аргумент шестой: был ли Ленин гением? Слово «гений» означает высшую творческую одарённость, употребляется обычно в положительном смысле, обозначая *созидательные* способности и деяния. Гений значит созидающий в области науки и искусства из ряда вон выходящие произведения. Таких из ряда вон выходящих произведений у Ленина мы не найдём. Максим Горький, характеризуя Ленина, сказал, что Ленин «был человеком, который так помешал людям жить привычной для них жизнью, как никто другой до него не сумел сделать это» (М. Горький. Собр. соч. в 30 томах, т. 17, с. 28). Эта характеристика подчёркивает не созидательный, а разрушительный аспект гения Ленина, если это слово вообще к Ленину применимо.

Бертран Рассел, лично встречавшийся с Лениным, писал, что Ленин произвёл на него «впечатление чрезмерно самоуверенного и ограниченного ортодокса. Его сила коренится ... в его честности, мужестве и непоколебимой вере – религиозной вере в евангелие от Макса, которое заняло место надежды на рай христианских мучеников». Б. Рассел увидел в этой «безрассудной приверженности символу веры», которая тысячекратно усилила его собственные (Б. Рассела. – Н.Н.) сомнения в разумности такой веры, что ради этого символа веры «люди готовы множить без конца невзгоды, страдания, нищету» («Европа + Америка», 1991, № 2, с. 59).

И надо сказать, что Б. Рассел здесь «попал в точку», ибо, действительно, вряд ли можно найти такую партию и такого вождя, которые бы так без конца умножали невзгоды, страдания и нищету, хотя, – как пишет Горький, – Ленин чувствовал «ненависть и презрение к несчастьям, горю и страданиям людей» (с. 23).

Это кричащее противоречие в Ленине объясняется тем, что он не был гением.

Если бы Ленин был гением, его дело не развалилось бы на наших глазах, как оно развалилось. А всё дело в том, что Ленин *не понимал*, что в России 1917 г. не может быть **СОЦИАЛЬНОЙ** революции, что её нельзя стимулировать созданием Советов, что ей нельзя помочь «ИЗГНАНИЕМ капиталистов и помещиков» (ибо ИЗГНАНИЕМ как негативным действием **ВООБЩЕ** нельзя помочь позитивному **СОЗИДАТЕЛЬНОМУ** процессу). Ленин не понимал, что социализм – это настолько грандиозно и ново, что его возможность несовместима даже с теми **материальными** предпосылками, которые были у капитализма США (труд, производящий товары) и с теми **идеологическими отношениями**, которые производны от экономики как системы отношений товаровладельцев (см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 119) – с **правом, политикой и с утилитаристской нравственностью**. Ленину казалось, что экономика, политика, право и утилитаристские ценности – достаточные предпосылки социализма. А это не так. И это доказали 68 лет жизненной практики после смерти Ленина. А до социальной революции Россия совершенно не созрела, ибо не было ни технических, ни экономических, ни социально-культурных, ни семейно-культурных предпосылок социализма, как не было и **философской революции**, которая по логике вещей должна была **предшествовать** революции социальной. Ленин мыслил свою псевдосоциалистическую революцию на тех же материальных и на тех же идеологических основах и отношениях, на которых существовал и капитализм. Глубина переворота, ведущего к социализму, была ему неведома. Или же он боялся об этом думать. И от

этого с нашей страной произошли величайшие несчастья. Г.В. Плеханов и Ю. Мартов были в этом отношении гораздо умнее Ленина.

То, что произошло в России под руководством Ленина, была политическая революция – простая модификация политической власти, которая опиралась на механизмы самой власти (на ВЧК – КГБ). И всё это держалось до тех пор, пока массы верили, что мы идём к социализму. А так как действительного движения к социализму не было и не могло быть, то наступил крах «близнецов-братьев» – Ленина и партии. Какая же в этом гениальность?

Аргумент седьмой. В статье А. Абрамова содержится логический выверт (ленинское словечко, кстати сказать) со ссылкой на профессора Л. Фризмана, мол, перезахоронение государственных деятелей ничего не меняет в наших представлениях о них. – Да не в перезахоронении сущность вопроса! Сущность вопроса в том, что общество кипит негодованием, чувствуя себя обманутым, и хочет понять, *как и почему* оно было обмануто и *какие ценности* ему следует избрать в качестве ориентира на будущее, ПОСКОЛЬКУ ПРЕЖНИЕ ЦЕННОСТИ, представленные Лениным, Мавзолеем и КПСС, не выдержали проверки временем!

И поскольку прежняя ИДЕОЛОГИЯ, навязанная народу, была КУЛЬТОВОЙ и культистской, то сохранение захоронений означает сохранение ложной, не оправдавшей себя идеологии и мировоззрения! О мировоззрении и о методологии идёт речь, а не о перезахоронении!

Так что, навязав обществу поклонение Мавзолею и вождям, инициаторы такого устройства человеческих душ тем самым *сами predeterminedили*, что народ не сможет духовно освободиться, если он не ниспровергнет идолов. Поэтому-то нет сомнений, что судьба Мавзолея predeterminedлена... ещё в момент его создания. Или вы забыли, что в Софии это уже совершилось?! София – значит мудрость. Болгары пришли к этому раньше. Но и мы к этому мудрому решению неизбежно придём!

Перезахоронение, – продолжает проф. Л. Фризман, – «характеризует лишь тех, кто это сделал. То, что какой-то деятель предан земле в таком-то месте, отражает отношение к нему современников в момент его смерти. Это уже свершилось, и ничего изменить нельзя... Надо только знать всю правду обо всём и обо всех».

Прекрасно! Нам предлагается некая догма о том, что «ничего изменить нельзя». И это – в постоянно меняющемся мире!! А вот в фильме Т.Е. Абуладзе¹ показано, как преданного земле палача выкапывают несколько раз! И это – художественная правда о состоянии общественного сознания нашего общества, ибо прошлое зло НЕЛЬЗЯ ПРЕДАВАТЬ ЗАБВЕНИЮ, ибо это СОЦИАЛЬНОЕ ЗЛО, которое не умерло, если его не обнаружить и не *дискредитировать* (т.е. не лишить права на кредит доверия).

У нашего общества и нашей эпохи – СВОЯ ПРАВДА: слишком уж ненормально шли события нашей жизни все эти 73 года! Растрчено попусту столько сил народных, что великая Россия собраться с силой не может!

¹ «Покаяние» (прим. ред.).

Но так как мы всей правды о Ленине и его партии не знали и не знаем до сих пор (только сегодня узнаём, что у этой партии до 7000 адресов вкладов валюты в капиталистических странах, нажитых за счёт одурачивания собственного народа), то народ не позволит и далее дурачить себя, продолжая отдавать почести тем, кто этих почестей ни по уму, ни по чести, ни по совести не заслуживает. И (извините, подвиньтесь) наши представления о государственных деятелях, захороненных когда-то с авторитетом умных, честных и порядочных людей, изменившись сегодня, не могут не повлиять на факт их захоронения в таком месте, как Красная площадь Москвы, **ибо это захоронение было актом чрезвычайным**, ибо это не Арлингтонское и не Новодевичье кладбище, а символ ума, чести, совести и величия народа! Это – вообще не кладбище! И поэтому во время Н.С. Хрущёва высказывалась мысль о создании Пантеона и о перенесении всех останков туда. Значит было понимание, что это негоже.

Сегодня страна и народ подходит к созреванию убеждения, что недопустимо ему (народу!) держать себя за дурака в мемориальных играх и ритуалах, сочинённых КПСС с целью держать этот народ в повиновении. И это в то время, когда мы читаем в газете «Коммерсантъ» от 2-9 сентября 1991 г., с. 7, о том, что КПСС имеет за рубежом до 100 млрд. долларов на тайных счетах. Это означает, что вожди КПСС меньше всего думали о коммунизме. – Как бы пригодились сегодня эти 100 млрд. долларов, чтобы вытащить страну из пропасти глубиной в 73 года «мудрого руководства»! – Но мы ВЕРИЛИ... Хотя давно уже были свидетельства... В повести Бориса Лавренёва «Сорок первый», написанной ещё в 1924 году, есть такое прозрение поручика Говорухи-Отрока: «Поумнел, голубушка! Поумнел! Спасибо – научила! Если мы за книги теперь сядем, а вам землю оставим в полное владение, вы на ней такого наворотите, что пять поколений кровавыми слезами выть будут. Нет, дура моя дорогая. Раз культура против культуры, так тут уж до конца». (См. Б. Лавренёв «Сорок первый», Куйбышевское книгоиздательство, 1973, с. 150.)

Это же стало теперь исторической необходимостью: непременно же надо осознать, кто же управлял и управляет нами. Недоумки, которые претендовали на то, чтобы быть гениями и выступать в показушной роли носителей добра (а сами наживались на несчастьях народа и оказались *совсем* НЕ ТЕМ, за кого они себя выдавали), теперь должны быть исследованы и, что называется, «разобраны по косточкам».

Когда с одной стороны «шкура и пузо» и никаких идеалов и теоретических концепций, а с другой, – пять поколений, которым предназначено «выть кровавыми слезами», то ленинские секретные приказы и тайные предписания о незаконных расстрелах, о грабежах церковного имущества (под предлогом голода в Поволжье, который, как теперь стало ясно, предопределён развалом экономических связей между регионами, а не нехваткой зерна в стране) – это ещё НЕ ВСЯ ИСТИНА о Ленине, хоть это уже сегодня может изменить отношение народа к Ленину и, следовательно, не позволит оставить всё по-прежнему с захоронением Ленина.

Проблема осознания феномена Ленина гораздо глубже, чем это можно усечь из фактов только. Возьмём только один факт: за что расстреляли в 1921 г. поэта Николая Гумилёва? И что это за борьба ЧК с контрреволюцией, когда действительной социальной революции в духе социализма в России не было и не могло быть по природе вещей?!

Ленин, несомненно, понимал, что в России нет никаких предпосылок для социализма: ни в уровне культуры, ни в состоянии цивилизации, ни в высоте развития производительных сил.

Ю.Мартов и Г.В. Плеханов приводили на это счёт убедительнейшие доказательства... Но Ленин, кроме способности понимать аргументы своих выдающихся оппонентов, обладал ещё одной психологической особенностью: он был чокнутым казнью своего старшего брата. И это психологическое переживание, глубоко засевшее в его подсознании (и, может быть, существовавшее как его личная клятва – отомстить), накладывало специфический отпечаток на его восприятие марксизма, на его понимание диктатуры пролетариата (которую он считал – «главным в марксизме», что, конечно, чрезвычайно узко и неверно в принципе, ибо в марксизме не может быть главным надстроечный фактор). Ленин воспринимал марксизм не просто как теорию и методологию – объективно, но – под постоянным воздействием личной психологической доминанты – отомстить, покарать дом Романовых и всех вообще эксплуататоров. Разумеется, что это его сугубо личное отношение к России оправдывалось им и одевалось в одежды социалистической революции, для которой, хоть и не было никаких предпосылок... **так можно ведь их создать!** Это так ярко выразилось в его статье «О нашей революции», написанной 17/I-23 г., т.е. менее чем за два месяца до полного паралича, наступившего 10 марта 1923 года, после чего Ленин не мог ни говорить, ни писать.

Вот точка зрения Мартова: «Дело не только в глубокой моей уверенности, что пытаться насаждать социализм в экономически и культурно отсталой стране – бессмысленная утопия, но и в органической неспособности моей примириться с тем аракчеевским пониманием социализма и пугачёвским пониманием классовой борьбы, которые порождаются, конечно, самим тем фактом, что европейский идеал пытаются насадить на азиатской почве... Для меня социализм всегда был не отрицанием индивидуальной свободы и индивидуальности, а, наоборот, высшим их воплощением... Здесь же расцветает такой "окопно-казарменный" квазисоциализм, основанный на всестороннем "опрошении" всей жизни, на культе даже не "мозолистого кулака", а просто кулака, что чувствуешь себя как будто бы виноватым перед всяким культурным буржуа». («Ю. Мартов и его близкие». Нью-Йорк, 1959, с. 48-49. Цитирую по предисловию докт. историч. наук В.Г. Сироткина к публикации в журнале «Знание – сила», 1989, № 7, с. 79.)

Возникает вопрос, неужели эти аргументы Ю. Мартова В.И. Ленин не мог понять?

Думаю, что мог. Но весь строй его подсознания и весь ансамбль его сознания были настроены так, что ему непременно нужно было стремиться к диктатуре пролетариата, то есть – к России «социалистической», ибо иначе он просто не мог *органически*, ибо иначе не могли быть организованы (запрятанные в социалистические одежды) его диктаторские «сны души», пережившей травму казни родного и любимого брата. Кстати, его брат мог бы быть помилован, напиши он соответствующее прошение на Высочайшее Имя, как тогда говорили. Но Александр Ульянов не сделал этого. И это составляет дополнительный штрих к анализу психологических реакций Владимира Ульянова.

Ленинский марксизм был, как сквозь сито, пропущен через специфическое состояние души, узвлённой казнью брата. Это в Ленине было очень глубоко запрятано. Думаю, что он не позволял себе **говорить** об этом с кем-либо, чтобы не растрчивать энергию мести и концентрировать её только **в действиях**. Отсюда и проистекала необыкновенная жестокость ленинской «диктатуры пролетариата». И трагедия страны и Ленина состоит в том, что Ленин принёс страну в жертву состоянию своей души: понимая, что социализм невозможен, он использовал все средства, чтобы утверждать квазисоциализм.

Поэтому народу теперь предстоит решить, как нам выбраться из аракчеевско-пугачёвского социализма. В этом же ключе надо оценивать и ВЕРУ Ленина в мировую пролетарскую революцию, которая «вот-вот» наступит в Европе. Эта вера, совершенно алогичная по природе своей, стимулировалась состоянием его души, которой необходимо было оправдание того, что он совершил с Россией в октябре 1917 года и позже своим военным коммунизмом и гражданской войной.

В этом же ключе надо оценивать и идею Ленина о том, что империализм – это последняя стадия капитализма и – канун мировой пролетарской революции. Марксистам сегодня ясно, что это было ошибкой. Но ошибка эта коренилась глубоко в подсознании Ленина, уязвленного казнью старшего брата: **ему нужна была такая теория понимания XX века, которая вела бы к оправданию того приговора, который Ленин в душе своей вынес царизму, капитализму и империализму.**

Вот почему Ленин не мог согласиться ни с Мартовым, ни с Плехановым, хотя бы и понимал их правоту!

Аргумент восьмой: был ли Ленин объективен в выборе методов устройства будущего России?

Нет. Его методология относительно переустройства России на социалистический лад должна быть определена как *политический идеализм*. У него это прямо сформулировано как тезис о том, что «политика у нас не может не иметь первенства перед экономикой». Политика, как известно, это сфера вторичных – идеологических – отношений, которые производны от экономики как сферы материальных отношений. И если вторичные отношения выдвигаются на первый план, то это идеализм. Но дело не только в этом, а ещё и в том, что Ленин не уяснил себе исторической МЕРЫ социалистической социальной революции как революции в сфере труда, при осуществлении которой предстояло уничтожить труд, производящий товары, труд как нищенскую деятельность по обеспечению себя скудным заработком, как сказано в «Немецкой идеологии», которой Ленин не читал и потому остался в плену скудных представлений о будущем послекапиталистическом обществе. Поэтому-то он понимал социализм на капиталистический лад: с экономикой, политикой и правом, с товарным производством и товарным фетишизмом, при которых допускалось первенство политики над экономикой, поскольку это вообще не выводило социум за рамки старого разделения труда и старой типологии труда. Не понимая этого, Ленин вообще закликивал свою мысль в рамках старой типологии труда и лишал себя возможности и способности **даже теоретически предложить** революционную методологию переустройства России на началах социализма. Да ему, в сущности, это было и не нужно. Ему нужна была политическая власть, чтобы навластиться всласть – в духе его *подсознательных* мотивов личного поведения. Недаром он повторял, что революция чего-то стоит, когда она умеет защищаться. Вот по этому канону мы и жили более 70 лет: всё время искали врагов и всё время от них защищались. А до положительного созидания нового общества дело так и не доходило. И естественно, что система начала отставать не только от идеалов социализма, но и от реальных объективных требований эпохи.

А если стратегия неверна, если она переворачивает местами объективные потребности эпохи и субъективные мотивы личного поведения, то это и есть политический идеализм! Это

прекрасно понял Эрих Фромм в своей критике Маркса, который тоже грешил креном в сторону приоритета политики (см. Э. Фромм «Социализм», «Коммунист», 1991, № 11, с. 33-34 и др. стр.). Но это трудно понять некоторым нашим кандидатам исторических наук, которые воспринимают Ленина сквозь призму своего «намавзолеенного» сознания и потому, конечно, недоумевают перед лицом требований о прекращении функций Мавзолея.